

Фан Шэна, которого Ду Чжунпин за собой увёл, учился у него уже немало дней и простые лечебники и травники уже понимал, хоть сам и не верил в свои силы — ведь в настоящей школе он не бывал. Теперь, помогая с новичками, он вдруг осознал: всё, что дети спрашивали, он и прочитать, и написать может. Пусть почерк не так красив, как у Ду Чжунпина, — но ни черточки лишней, всё как положено, иероглифы правильные, прямые, на земле выведенные — даже разборчивее, чем у учителя.

Да, они писали прутиками на земле, а дети вокруг на корточках сидели, наблюдали. Не таскать же с собой постоянно тушь, кисти и бумагу? Что поделаешь — к местным условиям приспособлялись.

Фан Шэн увлёкся преподаванием всё больше. Наткнувшись на какое-нибудь целебное растение, он попутно объяснял: как собирать, как обрабатывать, как применять — всё по порядку. Ребята постарше слушали, затаив дыхание, а если что непонятно — так и норовили переспросить, приставали. В каждом доме кто-нибудь да прихворнет — если самому травку собрать можно, да на лекарствах сэкономить — на сэкономленное мясо купить можно. Свои детские расчёты у них были.

Под конец и Ду Чжунпин заслушался. Он и сам прошлой осенью с Фан Шэном по травникам занимался, но выбирал в основном те травы, что подороже да познаменитее, чтобы продать можно было. Где уж ему было терпение на все эти повсюду растущие цветы-травы? Теперь же он Фан Шэну по-настоящему удивлялся: сколько же труда нужно было вложить, чтобы столько разных растений запомнить, да ещё так, чтобы с языка слетало, ясно и по полочкам разложено! А ведь Фан Шэн и грамоту-то осваивал одновременно с травничеством!

Задумался Ду Чжунпин о своих домашних. Чжао Ба в поле — работник хоть куда, да и в общении с людьми, в житейских делах толк знает, часто его, Ду Чжунпина, наставлял. Ду Ань же и вовсе на все руки: от управления хозяйством и счетов до трёх разов в день — нет такого, чего бы он не умел. А он сам, Ду Чжунпин, словно Цзинь-эр малый, — везде ему опека нужна. Даже дом строят — а он помочь ничем не может, только детей водит. Глубоко усомнился Ду Чжунпин в своей полезности: «Воистину, от учёного проку мало. И впрямь я ни на что не гожусь».

К счастью, заикливаться на своих недостатках он не был мастером. Немного повздыхав про себя, он твёрдо решил взяться за ум и по-настоящему нести ответственность главы семьи, кормильца. А потом снова погрузился в присмотр за детьми.

На следующий день Ду Чжунпин и Фан Шэн повели ребятнину к реке, устроили урок на траве под деревом. Позанимались немного грамотой — и тут же ребята стали упрашивать Фан Шэна ещё про травы рассказать. У реки растений всяких — видимо-невидимо, лекарственных — тоже немало. Ду Чжунпин, глядя на Фан Шэна, думал: compared to тому, каким он его впервые увидел, теперь тот просто светится. Видно, когда человек в любимом деле получает признание — хоть и от детей — сразу другим становится.

Ду Чжунпин прикинул: ребята и так по окрестностям бегают, если они травы узнают, соберут, в городской аптеке продадут — и доход небольшой появится. Да и букашек разных, которых они для забавы ловят, некоторые тоже в дело пустить можно. Как минимум, на книги да письменные принадлежности себе заработать смогут — своего рода «учёба с подработкой». Решил он дома с родными это обсудить.

Новый дом семьи Ду был закончен после полутора месяцев хлопот.

На восточной стороне двора вырос флигель в три комнаты, на западной — в две. Передний дом состоял из двух с половиной комнат с каждой стороны, а посередине оставался широкий проём — чтобы даже повозка с мулом свободно проехала.

В восточном флигеле одну комнату отвели под кладовую, а две другие обустроили для гостей. Раз уж Ду Чжунпин учителем стал, детей со временем прибавится. Если из других деревень будут приходить, в ненастье переночевать смогут. Да и когда Цзинь-эр подрастёт, можно будет под кабинет переделать. В двух западных комнатах разместили кухню и хранилище для риса, муки, масла. Теперь большая печь в главном доме только для кипячения воды да варки риса, а готовить будут на кухне — чтобы жилые комнаты копотью не пропахли.

Передний дом обустроили просто: в восточной части, в первой комнате поставили стол да несколько стульев — можно было там читать, беседовать, работать, да и гостей туда принять. Во внутренней комнате постелили лежанку — для отдыха. А в самом входном полупомещении сложили небольшую печку — воду вскипятить, например. Западные две с половиной комнаты объединили в одно помещение, заказали у плотника длинные столы и скамьи — здесь теперь дети будут учиться.

Колодец, о котором хлопотал Ду Чжунпин, в итоге выкопали в заднем дворе, неподалёку от дома Чжао Ба, — так обеим семьям воду брать удобно. Конечно, во фронтовом дворе было бы ещё удобнее, но с детьми под боком лучше перестраховаться. Даже так Ду Ань попросил плотника специальную крышку для колодца смастерить, чтобы накрепко закрывалась. Их Цзинь-эр — как раз в том возрасте, когда носятся без оглядки, лучше побережись.

Попутно со строительством дома, в стене, разделявшей два двора, проделали калитку — чтобы без хлопот друг к другу ходить, а не через главные ворота кружить. Такое разве что между семьями, что очень близки, да где женщин нет, возможно, — а то приличия бы не позволили.

Ду Чжунпин и Ду Ань новым домом остались очень довольны. Мастера постарались на славу. Взять хотя бы стены — толщиной без малого в три чи, материала не пожалели. Плотники тоже старались: окна-двери ровные, без затей, зато прочные, добротные, и дерево хорошее. Столы, стулья, табуреты — всё просто, ладно скроено, на века.

Хоть народ и помогал безвозмездно, в день, когда ставили матицу, семья Ду не только всех обильно угостила, но и каждому красный конверт вручила. Это была «благодарность хозяев мастерам» — от таких вещей не отказываются.

С той поры Ду Чжунпин и впрямь учителем стал. У него занятия шли только до полудня, после чего он задавал урок и отпускал ребят — те ещё по хозяйству помочь успевали. Сам же он вторую половину дня мог своими делами заниматься, не перекидывая все заботы на одного Ду Аня.

Раньше семья Ду жила на восточной окраине деревни, в стороне от людских троп, и редко кто мимо хаживал. Теперь же деревенские так и норовили пройти мимо дома Ду, послушать, как ребятишки читают. Даже из других деревень приходили — на диво поглядеть. Вскоре у ворот дома Ду стало оживлённо.

Но где много людей — там и происшествия случаются. Беда пришла не к семье Ду, а к соседям: к Фан Шэну сватов послали.

Сватовство? Да ещё к Фан Шэну? Увидев сидящую в гостях сваху, Ду Чжунпин и Ду Ань

остолбенели.

После тех уроков на природе Ду Чжунпин порой приглашал Фан Шэна рассказать детям о травах. Некоторые ребята и впрямь травы собирали, Фан Шэн помогал их обработать, копил, а потом продавал в городской аптеке. На вырученные деньги покупали тушь, кисти и прочее для учеников. Родители такое начинание поддерживали — кому ж лишние расходы не в тягость? Даже взрослые порой травы приносили — чтобы Фан Шэн вместе с детскими продал.

Фан Шэн, не слишком сильный в тяжёлой крестьянской работе, здесь мог себя проявить и, хоть вслух не говорил, был явно рад. По тому, как он возился с травами, это было видно. Чжао Ба, как всегда, радовался, когда Фан Шэн был доволен, и помогал, даже если тот ворчал, что он всё делает не так. Сколько он уже не видел Фан Шэна таким оживлённым! Пусть ворчит — слова не больно колют.

В тот день их не было дома: Чжао Ба запряг повозку и повёз Фан Шэна в город продавать травы.

Сваха, та самая, что обычно по деревням ходила, иголки-нитки продавала, увидела, что соседи отсутствуют, и зашла в дом Ду. Попросила Ду Чжунпина передать Фан Шэну, что через пару дней она снова зайдёт.

<http://bllate.org/book/16286/1467567>